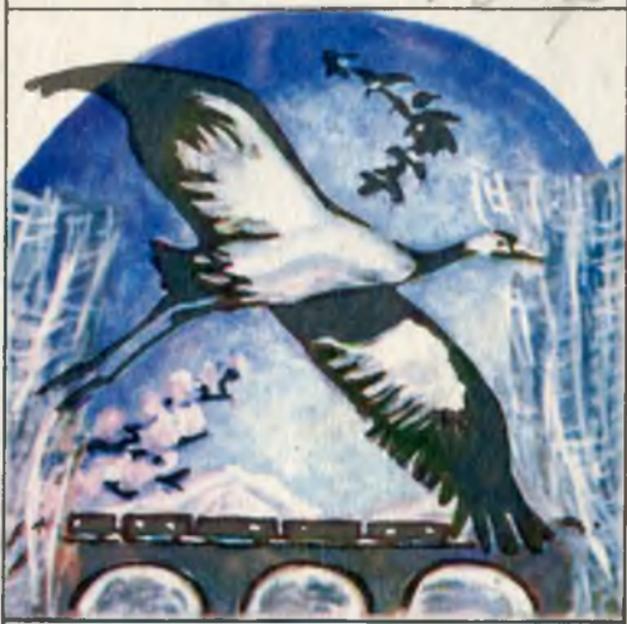

С 585

098498

НОВИНКИ • СОВРЕМЕННОСТИ

Юсуф Созаруков
ВСЕЙ ПАМЯТЬЮ
СВОЕЮ...

НОВИНКИ • СОВРЕМЕННОСТИ •

Юсуф Созаруков

ВСЕЙ ПАМЯТЬЮ
СВОЕЮ...

Москва
«Современник»
1987

84 (2) Кав-Кара/6-5
С 58

10

Рецензент Н. Лыцов

Созаруков Ю. Ш.

С 58 Всей памятью своею..: Стихотворения/Предисл. В. Устинова. — М.: Современник, 1987. — 63 с.

Молодой карачаевский поэт Юсуф Созаруков пишет на русском языке. Однако, погружаясь в стихию русской речи, он не порывает с национальными традициями. Многие его стихи по-восточному афористичны, в них сквозит кабардинский юмор, они не теряют связи с горским фольклором и своеобразно окрашены национальным колоритом.

Стихи Ю. Созарукова получили высокую оценку на Восьмом Всесоюзном совещании молодых писателей.

С 4702630000 — 289

284 — 87

84 Кав. 7

648498-87
M106(08) - 87

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ
РЕСПУБЛИКИ
ИМ. Х.Б. БУВАРМУШЕВЫЙ

© Издательство «Современник», 1987

Свет любви и надежды

Когда кругом тьма, то человеку кажется, что исхода из нее не будет никогда. Свет рождает надежду, и поэтому отношение к нему всегда иное, назвать которое можно так: радость с горькой долей опасения вновь его утратить. Поэзия — как наиболее чутко регистрирующая временные состояния духа субстанция — вся наполнена либо безнадежными вскриками отчаянья, порою переходящими даже во мрачно-торжествующие гимны тьме, либо не менее отчаянными попытками укрепить словом душу человечества на пути оптимизма и веры.

Первых поэтов всегда было больше, вторых — меньше. Ибо разрушителем быть легче, чем созидателем. Даже выгоднее с точки зрения достижения славы любим путем. Тому подтверждение — наша история. Сколько в ней мрачных фигур разрушителей и человеконенавистников! А много ли сохранилось имен зодчих и созидателей духа? Многие из нынешних искателей шумной популярности не только знают этот закон, но и следуют ему. Еще больше тех, кто, желая «оставить свой след» в литературе, подражает им, глумясь над традиционными святынями своего народа.

Тем драгоценнее появление поэтов, всей сутью своей стихотворческой работы соперечающих людям в их нелегкой доле жить на земле двадцатого века. Юсуф Созаруков, первую книгу которого вы держите сейчас в руках, относится именно к таким стихотворцам. А ведь нельзя сказать, что судьба помогала ему, как человеку, на

пути от сопереживания к сочувствию, а от сочувствия к соучастию в созидании. Прочтите одно из лучших произведений сборника — «Песня матери», посвященное памяти брата Шагбана. Написанное с исповедальной интонацией, стихотворение повествует о трагедии народа Юсуфа — карачаевского, — случившейся почти за десять лет до его рождения, в годы минувшей грозной войны: весь народ разом был выселен с родных искони земель в районы южного Казахстана и Средней Азии. Я не буду цитировать все стихотворение, но не могу удержаться, чтобы не повторить щемящих сердце, глубоко поэтичных заключительных строк:

Спи, мой мальчик. Страданий довольно!
Лишь усни, остальное не больно.
И душа светлым облаком сразу
Поплывет над чужбиной к Кавказу.

Прошли годы, прежде чем народу вернули право вновь разжечь огонь в отцовских очагах...

Вчитайтесь в строчки стихов Юсуфа: не зная фактов биографии, из них легко узнать, что студентом он жил и в Воропееже, и в Барнауле. Вальманах «Алтай», кстати, впервые опубликовал свои стихи, и помог ему в этом замечательный лирик Владимир Башунов.

Но раны несправедливости, свершившейся однажды, долго не заживают. Можно только догадываться, сколько надо пережить, чтобы воскликнуть в порыве откровенности: «Боюсь прослыть в краю своем Иноязычным соловьем». Сколь трудно разговаривать с земляками через посредство инозвучного языка, даже если он является языком межнационального общения. Как сложно состязаться с другими стихотворцами, развивающимися в естественной стихии родной речи.

Тем не менее Юсуф сумел преодолеть почти все. Подчеркиваю это — почти все — ибо творческий процесс бесконечен, а Юсуфу есть еще над чем потрудиться и в версификации, и в обогащении содержания своих стихов. Но главное — открытое, искреннее поэтическое сердце — у него есть. Он склонен к шутке, к юмору. Но даже юмор у него как бы с опасением вновь утратить право на него. Нотка страдания проходит сквозь все произведения поэта. Но эта нотка перерастает в тему преодоления рабской черноты в душе, в порыв к свету — ради созидания в себе и других воли духа, ради высшей справедливости, ради того, чтобы боль не стала вечной, непреходящей, заслоняющей ту радость, которой является сама жизнь.

Вот за все это — за память, за мужество, за свет любви и надежды — мне и нравится книга Юсуфа Созарукова.

ВАЛЕНТИН УСТИНОВ

Монолог

...и вообще опиши все, чем ты занимаешься.

Из письма

Не хватает меня для всего.

Провожая, встречаю.

Привыкаю ступать в полный шаг

и всей грудью дышать.

Навещаю друзей и на письма твои отвечаю.

И стараюсь успеть народившийся стих записать.

Если жизнь — это море,

я часто бываю в пучине.

И пока еще молод,

я волнам навстречу плыву.

Веселюсь и печалюсь, в зависимости от причины.

И зовется занятие мое очень просто: живу.

Боюсь прослыть в краю своем
Иноязычным соловьем.
Мой край!..

Гора к горе впритык.
Там слышится родной язык!
Там речка детства моего!
Там люди, все до одного, —
Живая кровь священнѣх гор,
Я — часть той крови.

С давних пор
Во мне желание живет
Понять свой маленький народ:
Каким он был,
 каким он стал,
Что приобрел,
 что растерял,
Откуда он,
 куда идет
И что его в грядущем ждет?
Быть может, на свою беду,
Я слов достойных не найду.
И песню не сумею спеть...
Пусть будет так, готов стерпеть
Возможный в будущем упрек:
«Зачем он брался, коль не смог?
Его никто ведь не просил...»
И все же буду
 в меру сил
Вязать свой немудреный стих
Я, непохожий на иных
Твоих певцов, родной Кавказ!
С годами ты рассудишь нас.

Время и мы

Многое было до нас.
Многое будет без нас.
Но за свершения нашего времени
Спросится именно с нас.

Все наши вехи зачтут.
Лучшее наше учтут.
С худшим войну поведут беспощадную,
За пережиток сочтут.

Так что,
 покуда горим,
Смене дорогу торим.
И, зажигая сердца эти юные,
Сами, ровесник, сгорим.

Путь наш недолгий земной
Вдруг обернется струной.
Как зазвенит та струна при касании,
То нам и будет ценой.

С каждым годом все дальше Жипхеген!
С ним свиданий не жду впереди.
Вскрикнет сердце:

«В Жипхеген уедем!»

Но рассудок одернет:

«Сиди».

И сижу,

хоть душой постоянно

Вижу небо далекого дня,

В забайкальской тайге полустанок,

Где любили когда-то меня.

Пригляжусь.

Там от жизни в восторге,

Не привычный ко встречам с бедой,

В сапогах, при ремне, в гимнастерке,

Я по лесу бреду молодой...

Там, как прежде,

надеясь на встречу,

Кто-то ходит опять к поездам.

Маяком для него каждый вечер

Там над сопкой мигает звезда.

С каждый годом дороже виденья

Тех краев, где речушка Хилок.

И ясней самому, что беднею

Без далеких тех, давних дорог.

¹ Жипхеген — полустанок в Читинской области.

Письмо

Лишь письма остается мне строчить...
Вторые сутки не стихает вьюга.
Пришли, землячка, ветку алычи.
Мне тут не достает родного юга.

Пришли ее, не посчитай за труд.
Здесь алычи вовеки не бывало.
Любовь с цветущей родиной прольют
Апрель мне в душу.

Этого не мало!

Пусть все мои сомнения в ночи
Окажутся самотерзаньем жалким.
Пришли, землячка, ветку алычи.
Пусть вся Сибирь пропахнет

Икон-Халком!¹

¹ Икон-Халк — аул в Карачаево-Черкесии.

Радостно видеть,
что люди друг другу в несчастье — опора...
Только всегда ль я опора тому, кто и вправду
несчастен?

Редко ль желаем мы счастья
и всяких успехов безмерно

Тем,
кто и без пожеланий удачливей нас и счастливей?

Стоит ли Солнцу желать,
чтоб оно было ярче и жарче?

Стоит ли красить в зеленое летние росные травы?!
Девушка в парке рыдала вчера...

На скамье...

Безответно.

Как же сказать мне сегодня:

«Люблю всю планету до боли!»

Из студенческих лет

(Шутка)

По бульварам,
По проспектам,
Распираем
Интеллектом,
Вдоль
Новехоньких объектов
Я спешу
С горой конспектов.

Ах, как первый снег
Кружится!
Как зазывно
Джаз
Играет!
Как
Стипендия
Все тает!..

...Та пора
Не пропадает.
Вечер тот
Все длится,
Длится!
В памяти,
Как снег,
Искрится...

648498-А

Журавли из песни

В парке станции Шипуново (Степной Алтай) установлен обелиск «Журавли». Надпись на постаменте: «Солдатам, с кровавых не вернувшимся полей».

Мы птицы, мы птицы,
мы неба печальные дети...
Над нами свершился
судьбы беспощаднейший суд.
Так знайте и то,
что нас гонят не холод, не ветер,
Не просто от осени крылья нас к югу несут.
Над миром,
который без боли никто не оставит,
Над миром,
в котором еще проливается кровь,
Не клином проносимся мы,
нет, не птичьей стаей.
Летим мы заглавную буквою слова — «Любовь».
Мы смотрим на мир,
что казался когда-то нам вечным,
На жизнь, что при жизни так трудно
порой оценить.
О, как в неосознанном счастье своем вы беспечны
И как коротка человеческих радостей нить!

Мое слово верное прозвенит...

Н. Рубцов

Где росли цветы — метель метет.
Но от них остался летний мед.

Занесло песком родник среди скал,
Но ручей до моря добежал.

Так и не допев, ушел поэт...
Стих печальный облетел весь свет.

Сажаю березу в осеннюю землю Сибири...
И впредь институтская роща на крону богаче.
Как мало хорошего я совершил еще в мире.
Как часто себя на порывы бесплодные трачу!

Расти, моя светлая!

Верю, что скоро услышу,
Как ты затрепещешь, послушная майскому ветру.
Пусть мирное небо пребудет всегда тебе крышей!
Расти, моя тонкая!

А на метели не сетуй.

И может быть, краю, которому стольким обязан,
Вернуть не смогу ни добра, ни тепла, ни участия.
Останешься ты.

Будешь самым правдивым рассказом
О том, как я жил здесь.

Души моей вырастешь частью.

...Однажды,

не выдержав тяжести собственной грусти,
Предчувствуя близкую и роковую грозу,

Приеду,

как ездит отец к своей дочери в гости,
И красную ленту в подарок тебе привезу.

Детство

Есть на свете
 страна золотая.
Там не гаснут цветы,
 снег не тает.
Мои страхи
 в потемках блуждают.
Там меня
 навсегда не хватает.

Там отец
 мне портфель покупает,
Мать
 гусятам крупу насыпает.
Моя первая елка сияет...
Та страна мне казалась без края.

Все дороже
 и дальше, родная...
Так и светится,
 не умирая.
...А над миром снежинки порхают.
Это мой календарь облетает.

Зеркалом — оконное стекло.
Мы с тобою в нем как на портрете.
Тихо льется глаз твоих тепло.
Есть ли что значительней на свете!

Ты молчишь, ты вся в своей судьбе.
Ты в плену усталости и ночи.
Расскажи, что можно, о себе,
Расспроси меня, о чем захочешь.

Радость ожидает иль беда?
Как еще все в жизни обернется?
Может быть, мне больше никогда
Встретиться с тобой не придется?

Что там ждет еще нас впереди?
Но пока автобус наш в дороге,
Слышишь, только молча ме сиди.
Чем владеем мы — дано не многим.

Знакомому

Другом недруга
Тебя я знаю.
Преданней
Он друга не имел...
Не тебе я дружбу
Предлагаю —
Сам ты мне
Быть другом
Захотел.

Если моего
Врага оставив,
В дружбе быть со мною
Порешил,
То откройся:
Чем,
Себя ославив,
Он твою немилость
Заслужил?

Можно ли
Надеяться
На дружбу,
Чье происхождение —
Темно?
Видно, прежде
Разобраться нужно:
Может быть,
Сомнительно
Оно?

Междометия

(Шутка)

- Друг, взгляни, какая девушка идет!
- У-ух!
- Глаз никак с тебя, бедняжка, не сведет.
- О-ох!
- Стой, не к нам она. Вон парень ее ждет.
- А-ах!
- Да, такая много счастья принесет.
- Э-эх!

Фатима

(На тему карачаевской народной песни)

В городе маленьком, тихом и скромном,
Там, где сливаются две реки,
Сердце разбили мне.

Словно бездомный,
Тихо бреду я, в сетях тоски.

О, как я буйно и неукротимо
Сдуру стремился сюда! И вот...
Как я ошибся, считая: Фатима
Сохнет по мне от любви и ждет.

Луч не сверкнет в обступающем мраке,
Мрак этот, видно, навеж мне дан.
Зорче орла,

осторожней собаки
Страж ее — папенька Алим-Хан.

Видно, Фатима, тебе станет лучше,
Если из жизни твоей уйду.
Слух распущу, что я бросился с кручи
То ли в Кубань, то ли в Теберду.

То-то поплачешь тогда, представляю!
Город обегашь:

вверх и вниз,
Мне ведь подруги твои рассказали,
Что твой отказ — всего лишь каприз.

А с Алим-Ханом — особые счета.
Я уж устрою ему «дозор» —
Я увезу тебя прямо с работы.
И не считай это за позор.

Магомеду Бабоеву

Стылая пора...
Дождь как из ведра.
Дни и вечера,
Завтра как вчера.
...Желтая гора.
Под горой Мара¹.
От дождей сыра,
Как Коран, стара.
Мокнут до утра
Глухие ветра.
На краю двора
Мокнет конура.
Где-то есть Кура,
Дон и Ангара,
Яхты — катера...
Друг! Прощай, пора!

¹ Мара (Нижняя и Верхняя) — аулы в Карачаево-Черкесии.

Зеленый домик в глубине двора.

Перед окном

увядший куст сирени.

И плотный дым печального костра,

Разложенного из листвы осенней.

Скупое солнце,

паутины блеск,

Последних астр

лилово-нежный всполох,

За речкой

осыпающийся лес,

И долгий птичий гам

на ветках голых.

Останься ты хоть,

желтая трава,

Как память лета,

что промчалось мимо.

В ответ лишь

старой истины слова:

Ничто не вечно.

Все неповторимо.

Многоточия

Снился вчера мне чужой городок...
...Сонно нахохлился, насквозь промок,
Дом бургомистра...

Вокзал...

Ресторан...

В маленькой кирхе грохочет орган.
Комната...

Девушка...

Несколько свеч...

Белые кудри волнами до плеч...
Грусть и надежда в огромных глазах.
Книга чудная в прелестных руках.
...Буквы поплыли, и ожил рассказ.
Вот перед ней непонятный Кавказ...
Ночь...

Водопада немолкнувший гул...

Спит под двуглавой горою аул.
Ветер промчался. Рассвет недалек.
В доме последнем горит огонек...
Юноша смуглый сидит за столом.
Пишет стихи, изумленный, о том...
Что ему снился чужой городок...
...Сонно нахохлился, насквозь промок,
...Дом бургомистра, вокзал, ресторан.
В маленькой кирхе грохочет орган.

Реликвия

Коллекционер!
Вот полтинник.
Возьми.
Храни его бережно:
Он,
Черт возьми —
Нет, я не шучу,
Улыбаешься
Зря ты, —
Еще
От моей
Самой первой
Зарплаты...

Опять дела мирские
Покоя не дают.
Поэты городские
О лошадях поют.
Расписывают детство:
«В сиянии луны
В туманных перелесках
Пасутся табуны.
Пофыркивают кони.
Кричит шальная выпь.
Полночный ветер гонит
По тихой речке зыбь...»
Грустят:

«Лишь память может
Вернуть, что было встарь.
Теперь трудяга лошадь —
Спортивный инвентарь.
Гремит по ипподромам,
Взрывая пыль и грязь.
А где-то перед домом
Пустует коновязь».

...И ты,

порой растерян,
Читая про коней,
Вдруг начинаешь верить,
Что темы нет важней.

Магомеду Бостанову

Калитка.

Дорога.

Мосток.

Октябрь.

Сухая прохлада.

Котенок,

по кличке Моздок,

Играет листком винограда.

Под яблоней старой — кровать,

Транзистор,

табак

и тетрадка.

Чего еще можно желать

В минуты хандры и упадка!

Лежи себе,

письма пиши

Друзьям про судьбу и погоду,

Покуда колодец души

Подаст тебе чистую воду.

И к жизни вернет интерес,

Подавленный смутной тревогой,

Прозрачная свежесть небес,

Где Млечная светит дорога.

Скоро в силу известной причины
Протрубит в небесах птицелет.
И подмокшею серой овчиной
По Кубани шуга поплывет.

Вот уже и дымы вознеслися
На усталых за лето полях.
И желтеют осенние листья
На моих городских тополях.

Я ничем тишины не нарушу,
Что нужна самому позарез.
Вывожу прогулять свою душу
По мосту в затаившийся лес.

Вывожу,
 пусть очистится светом
Полыхающих крон и ветвей
От страстей промелькнувшего лета,
Накануне грядущих страстей.

Эльтаркач¹

Вот я в ауле отца.

Дорогая теснина!

Командированный,

молча стою у моста.

Чувства незваного гостя

и блудного сына

Разом во мне пробудились,

хоть совесть чиста.

Грязные улочки, ямы, бугры

и овраги...

Оползни, паводки...

Всяких напастей не счесть.

Кроны акаций трепещут, как грустные флаги,

Словно укор, словно кем-то

свершенная месть.

Так отчего же

Сейчас я себя растревожил?

Что за грехи собираюсь

к себе примерять?

Жителем здешним

я даже минуты не прожил.

Мог ли, аул, я тебе изменить

и тебя потерять.

Я и отец — словно

снег и вода снеговая.

Разные судьбы, и незачем

прятать лица.

Молча стою. А куда мне идти —

я не знаю.

Непроизвольно

копирую жесты отца.

¹ Эльтаркач — аул в Карачаево-Черкесии.

Мне страшно, Мечта, за тебя!
А вдруг ты — простое желанье,
Всеповседневных стараний.
Мне страшно, Мечта, за тебя!

Мне страшно, Любовь, за тебя!
А вдруг ты — простая привычка,
Сердце ненадежная смычка.
Мне страшно, Любовь, за тебя!

О Счастье! Страхуюсь за тебя!
А вдруг ты — простое везенье,
До новой беды утешенье.
Боюсь, но борюсь за тебя!

Мир — изменчив,
Жизнь — лиха.
И чего таить греха —
С молодых иных побегов
Осыпается труха.

Мир — изменчив,
Жизнь — лиха.
И чего таить греха —
Что-то мы слышнее стали
Петь, давая «нетуха».

Мир — изменчив,
Жизнь — лиха.
И чего таить греха —
Все сложнее ее умирить
Звонким посвистом стиха.

Мир — изменчив,
Жизнь — лиха.
И чего таить греха —
В нашей кузне все натужней
Раздуваются меха.

Мир — изменчив,
Жизнь — лиха.
И чего таить греха —
На пути большом и правом —
Эй, кузнец! — запахло ржавым.
Обнови нам лемеха!

Инары¹

Мне глаза твои —
Как созвездие
Черной ночью в чужом краю.
Мне глаза твои —
Как возмездие
За беспечную жизнь мою.
Сколько верить им?
Сколько верить в них?
Как надолго со мной их свет?
Я любовь твою
Болью выкупил
У оставшихся в жизни лет...
Иногда меня
Доведут враги:
Жизнь как лешими полный лес.
Но хранят меня
Вновь глаза твои,
Словно звезды родных небес.

¹ Инар, инары — форма карачаецкой народной лирической песни.

Тут воздух, как совесть народа, прозрачен
и чист.

Затихли внизу завыванье, мычанье и свист.
Теперь только Солнце одно надо мною горит.
И ветер, доселе неведомый, лоб холодит.

О, светлая родина!

Древний кавказский аул!
Ты в утренней дымке внизу глубоко утонул.
Впервые с небесных высот за тобою слежу!
И много, поверь мне, я после тебе расскажу.

Не помню я, было ль когда-нибудь так мне
легко!..

...А впрочем, не слишком ли я залетел высоко!
Пора возвращаться.

Шутить с высотой нельзя.
К тому же с земли меня видят не только друзья.

Мой дальний,
Самый добрый свет,
Тебя достичь надежды нет.
Связали по рукам грехи.
Одна отдушина:
стихи!

Вот и дожил до «светлого» дня!
Я-то думал, что все молодой!
А сегодня на свадьбу меня
Приглашает жених тамадой.
Говорит, что надеется, ждет,
Что машину за мною пришлет.
И в награду,

для пущей красоты,
Обещает овцу и часы.
Что же, милый, спасибо.

Приду.

Праздник твой как смогу проведу.
Только этот почет мне, как гром...
Ты прости...

Я совсем о другом.
Вспомнил свадьбу в недавнем году...
Я не слушал тогда тамаду.
Веселился,

острил и шумел.
На соседку-ногайку глядел.
Каждый взгляд се нежный стерег.
Мир был собран в девичьем лице!
Да, тогда я и думать не мог
О каких-то часах и овце.

* * *

Учась ходить,
я в детстве часто падал,
Покуда первый шаг не получился.
Но вот хожу,
и вроде бы как надо...
А падать
все еще
не отучился.

В полночи
Небо,
Сгорая,
Звезда прочертила...
Две женщины
Вздрогнули,
Видя летящей ее.
Одна —
Загадала,
Чтоб сына
Судьба сохранила,
Другая —
На легкое
Женское счастье
Свое...

* * *

Когда б он горную вершину озарил,
Вы тотчас красотой залюбовались.
Но луч собою пропасть осветил, —
Чтоб вы подальше от нее держались.

Укор

Седая мать над сыном изрыдалась...
А он не отвечал,
в цветах лежал.

Мне вмиг
планета тесной показалась...
Его я часто
в жизни обижал.

* * *

Исчезают слоны,

исчезают.

Невезучи они,

невезучи.

— Ну, а моськи.

что яростно лают?

— Те живучи,

те очень живучи.

* * *

Не ругай чужую землю за убогость.
Пусть твой отчий край красивее, известней,
Но пустыня эта — тоже чья-то гордость.
И как Родине ей тоже дарят песни.

Мой милый край!
Я одного в себе не понимаю, —
Того, что горец истинный
И сын своей земли,
Когда я дома — родины
Порой не ощущаю.
И задыхаюсь без нее,
Когда она вдали.

Из Муссы Батчаева¹

Оба мы с душою родились,
Но глядим по-разному на жизнь.
Ты построил дом себе в долине,
Я же — на заоблачной вершине.

Там, внизу, уютно и тепло.
Здесь -- и камни холодом свело.
Но не стану я селиться ниже:
Я отсюда к звездам много ближе.

¹ Мусса Батчаев (1930—1982) — выдающийся карачаевский поэт, прозаик и драматург.

М. Чикатуеву

Мой вечно задумчивый друг!..
Средь всех величайших услуг,
Какими нас балует жизнь,
Есть радость свободного смеха,
Козырная наша утеха!
Чего же ты, милый, раскис?

Нас горести сами найдут.
И радости не обойдут.
Умей только душу хранить.
Не надо избыточной грусти.
Все наше судьба нам отпустит.
Зачем же ее торопить?

Венецию мы не спасем.
И новый металл не найдем.
Но с нами прозренья и честь!
Забывших друзей соберем,
Умение петь призовем
И горские песни споем.
По счастью, они еще есть.

Улицы аула

Нет, вы вовсе не забыты мной,
Улицы начальные мои.
Всякий раз, издерган суетой,
Возвращаюсь к вам в лихие дни.

Возвращусь...

И встретит здесь меня
Радостей далеких светлый рой.
...Помню, как соседского коня
Часто я водил на водопой.

И река струилась меж камней,
Полная вечернего тепла.
Девочка — на свете всех милей! —
Здесь меня джигитом назвала.

Сколько улиц видел я с тех пор
В тридевятых весях, городах!
Между нами, как глухой забор,
Встали мои взрослые года.

Позабыл сосед мой о седле,
Одряхлел,
едва пешком бредет.
Девочка давно в другом селе
Поседела от земных забот.

Но, однако,
так же, как при мне,
За аул, где Зеленчук бурлит,
Кто-то юный мчится на коне,
Кто-то нежно вслед ему глядит.

Улицы аула!

В свете дня,
Содержащем мой последний час,
Не забудьте заменить меня
Юношею,

выросшим среди вас.

Крайность

Я не был счастлив и уже не буду...
Судьба сложилась,

ей не прекословь.

Нощу в себе,

как смертную простуду,

Свою неразделенную любовь,

Я к ней привык.

Так привыкают к шраму

Через лицо.

И даже поражусь,

Когда однажды,

поздно или рано,

Я от любви к тебе освобожусь.

Она чиста.

Ее не осквернила

И твоего предательства печать.

Она во мне такую сохранила

Тебя, какой

тебе уже не стать.

Светлеет с нею черная минута.

Живу, тебя по-прежнему любя.

Мне есть над чем дрожать,

и потому-то

Я во сто крат счастливее тебя.

Апрель

С. А.

Алычи апрельской белый цвет...
Как ни кинь, а скоро сорок лет.
Но, пока еще тридцать четыре —
Я не самый древний в этом мире.

Всё еще воинственны мечты,
Жажду и любви и красоты.
Средь парней держусь еще достойно.
На собес гляжу еще спокойно.

Не беда, что, жизнь прожив на треть,
Поздновато вздумалось гореть.
Я еще могу без опасений
Влиться в скачки.

Буду не последний.

Кому решка, а кому — орел, —
Позже поглядим.

Я цель обрел!

И в пути само собой решится:
Кто снесен кукушкой, кто — орлицей.

Улица, которой ты прошла...

(Отрывки из поэмы)

1

Продолжается ночь,

а точнее — надвигается утро.

За вспотевшим окном разливается бледная муть.

Намывает котенок гостей аккуратно и шустро.

Выхожу на крыльцо.

Все равно мне уже не уснуть.

Вспыхнул свет на веранде.

Шарахнулись в стороны тени.

Звякнув цепью о миску, подался навстречу мне пес.

Острый ветер с отрогов вздохнул тяжело и

в мгновение

Смутный запах грядущих метелей в долину занес.

...Непролазная грязь и сырая нависшая хмурость...

Поскорей бы зима со снегами.

Все лучше, чем грязь.

В милом доме родители тоже, наверно, проснулись...

Интересно, что снится ей в этот предутренний

час?

Хорошо б, если я...

Но, однако, пора на работу.

О, бритве! Освященный веками мужской ритуал!

Вместе с пеной щетину с лица соскоблю и дремоту,

Чтобы если поеду в соседний аул, то сиял.

2

Улица, которой ты прошла,

Не забыла твоего тепла.

Свет твоих неповторимых глаз

Тихо льется с неба и сейчас.

И стоит та улица, стоит,
В предзакатном пламени горит,
Всей своей оставшейся судьбой
Неразрывно связана с тобой.

На ветвях не шелохнется лист.
Долго реет тихий птичий свист.
Живы все цветы до одного,
Что коснулись платья твоего.

Все свелось к последнему: вернись!
Без тебя в безверье забрела
Вся со мной случившаяся жизнь, —
Улица, которой ты прошла.

СОДЕРЖАНИЕ

Свет любви и надежды. <i>Валентин Устинов</i>	3
Монолог	6
«Боюсь прослыть в краю своем...»	7
Время и мы	8
Нежность	9
«В том городе мое забыли имя...»	10
«С каждым годом все дальше Жипхеген...»	11
В Рубцовске	12
Письмо	13
Прошлогодняя картинка	14
Сестре	15
«Радостно видеть...»	16
Из студенческих лет	17
Журавли из песни	18
«Где росли цветы — метель метет...»	19
«Сажаю березу в осеннюю землю Сибири...»	20
Детство	21
Возвращение	22
Песня матери	23
«Любовь моя первая...»	24
«Зеркалом — оконное стекло...»	25
Знакомому	26
Междометия	27

Из горского фольклора	28
Фатима	29
«Стылая пора...»	30
«Зеленый домик в глубине двора...» . . .	31
Многоточия	32
Реликвия	33
«Однако не все черное — черно...» . . .	34
«Прошагав с ружьем весь день без прока...»	35
«Опять дела мирские...»	36
«Калитка. Дорога. Мосток...»	37
«Скоро в силу известной причины...»	38
Эльтаркач	39
«Мне страшно, Мечта, за тебя!»	40
«Мир — изменчив, жизнь — лиха...» . . .	41
Инары	42
Крылья	43
«Мой дальний, самый добрый свет...» . . .	45
«Вот и дожил до «светлого» дня!»	46
«Учась ходить...»	47
«В полуночи небо...»	48
«Когда б он горную вершину озарил...»	49
Укор	50
«Исчезают слоны, исчезают...»	51
«Не ругай чужую землю за убогость...»	52
«Мой милый край!..»	53
Из Муссы Батчаева	54
«Мой вечно задумчивый друг!..»	55
Улицы аула	56
Крайность	58
Апрель	59
Улица, которой ты прошла (Отрывки из поэмы)	60

Юсуф Шогайбович Созаруков

ВСЕЙ ПАМЯТЬЮ СВОЕЮ...

Стихотворения

Редактор **С. Агальцов**

Художник **И. Силаева**

Художественный редактор **А. Дианов**

Технический редактор **В. Соколова**

Корректоры **И. Попова, Е. Полячек**

ИБ № 4401

Сдано в набор 09.06.87. Подписано к печати 27.08.87. А 12062. Формат 70×90^{3/8}. Гарнитура об. нов. Печать высокая. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 2,34. Усл. краск.-отт. 2,63. Уч.-изд. л. 1,7. Тираж 5000 экз. Заказ 2551. Цена 20 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР

123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Отпечатано с набора типографии издательства «Московская правда», Потаповский пер., 3 в Рязанской областной типографии, 390012, Рязань, Новая, 69/12 Заказ 2559,

Ю. С.

Юсуф Созаруков родился в 1952 году в Средней Азии. Служил в армии. Учился на театрально-режиссерском отделении Института культуры в Барнауле.

Стихи карачаевского поэта, пишущего на русском языке, публиковались в альманахе «Поэзия», в журнале «Подъем», в «Литературной России» и других центральных и местных изданиях. Ю. Созаруков — лауреат премии комсомола Ставрополя.

Живет и работает в Черкесске.